

Вас люблю

Что позволено Варя Якубович, не позволено никому

Недавно телеведущему Леониду Якубовичу исполнилось 53 года. День рождения был отмечен весело, широко и шумно, как никогда. Причина проста - на этот день рождения Якубович получил особый подарок, у него родился дочка Варвара. Это второй ребенок Леонида - старшему сыну Артему уже 25 лет. О том, что такое ранние и поздние дети в жизни мужчин, - разговор двух телевизионщиков: «молодого» отца Леонида ЯКУБОВИЧА и «старого» папы Александра ПОЛИТКОВСКОГО.

Якубович: Этим летом мы сняли дачу, там теперь живет Маринка с Варькой, а рядом в другом домике - хозяйка и собака Баскервилей, помесь дога с кем-то. Зовут Багира. Более нежного существа не видел - Багира считает, что она такса. Все время прыгает на меня от радости, а я падаю. Я еще не подыбал, а она начинает бесноваться от счастья. Я только позволил, а она уже чует, что я приехал. Так вот, у меня ощущение по отношению к Багире и Варваре одно и то же. Единственное, что меня не устраивает, - они обе не разговаривают. Так что жду момента, когда я буду открывать ворота на даче, а там уже крик: папа приехал! И это абсолютное счастье.

Печально, если это прочтет Артем, но ко мне пришло чувство отцовства, только когда он уже стал взрослым. Было приятно, что у меня большой сын. Но это совсем другое чувство, чем то, которое я испытываю сегодня, когда утром мне приносят этот кулек. При моем неумении сидеть на месте и стремлении немедленно бежать куда-то мне нравится держать ее, смотреть на нее.

Когда я сижу на ступеньках дачи, то приходит собака проверить, тут я или нет. И спокойно сразу уходит. Может, это рискованное сравнение, но оно мне приходит в голову, когда Варя утром приползает. Она улыбается только потому, что я есть. Беззвучно улыбается, обнаруживая какую-то тихую радость, что все благополучно: все дома, всем хорошо. В нас всегда вбивали совсем другие ценности. Мы, лишенные тепла, теперь хотим именно его, причём настоящего.

Политковский: А тебе не страшно, что девочка родилась, когда по улицам ходить стало страшно? Я: Надо сказать честно, когда мне Маринка сказала об этой возможности стать отцом, я вообще-то был против. Потому что сразу представил себе ужас, в котором мы живем. Вот мне хватило сил и здоровья, чтобы как-то дотащить Артема, а дальше? Хватит ли их? Я не знал. Так что скорее Марина решила: ребенок будет! А теперь уже, понимаешь, я просто не могу представить себе большей радости, чем смотреть, как она на животе лежит, головой крутит. Мы с ней выключаем музыку и танцуем. Пытаемся садиться. И всякое другое разное.

П.: Ты просто играешься в игрушку. Я.: Да. Но уже понимаю, что за этим стоит, - мне не 15 лет.

П.: Для Артема ты друг. А кто будет Варя для тебя? Друг, сиделка или подушка для слез в старости, прощу прощения за грубость?

Я.: Это одно и то же. Но в сущности, конечно, друг.

П.: При такой огромной разнице в возрасте и мировоззрении ты не боишься, что тебе за Варей потом не поспеть?

Я.: Вряд ли. Я боюсь другого. Во-первых, помню себя молодым. Во-вторых, вижу сегодня своих товарищей. И понимаю, пройдет лет 17, и при моем характере, нервах, при всех своих делах - я окончательно сойду с ума в первый же вечер, когда она опоздает на 15 минут.

П.: Сойдешь не сойдешь, а она все равно опоздает.

Я.: Понимаю. И уже сейчас не сплю. Я ведь старый дедушка, и мои товарищи тоже. Не будем, конечно, сейчас тыкать пальцем, но я-то знаю, кто, где и с кем они, эти мои товарищи. Понимаешь? Ровно с такими же - 16, 17 лет! Я иногда прощаюсь и думаю, думаю об этом... Схожу с ума!

П.: Но, может быть, все изменится? Через 17-то лет?

Я.: Нет. Мы несчастные дети проклятого XX века. Все до одного. И Варя тоже.

П.: Спокойно, Лёня, тебе надо быть ко всему готовым уже сегодня. И не обольщаться. Когда у меня родился сын, я тогда еще учился на журфаке МГУ, и были мы людьми примитивными. Мне друзья позавидовали; родился сын - хорошо, будет кому утром за пивком бегать... Позже, когда получил распределение в спортивную редакцию в Останкино, друзья сказали: счастливый, не надо будет врать и политикой заниматься. Через 20 лет жизнь меня обломала: сын за пивком не бежит, да и пиво я по утрам больше не пью. А жизнь прошла среди политических страстей, от которых дети мои только страдали. В 91-м, когда сидел в Белом доме, дочь плакала ночью, что меня убьют. В 93-м - тоже мучались от того, что мою тогдашнюю позицию мало кто понимал в обстановке всеобщей гайдаровской псевдодемократической истерии. Моя жизнь - зеркало для моих детей. Именно - «для». При этом даже не знаю - «увы» или «слава богу»...

Я.: Я только теперь стал понимать, как много недодал Артему. Ему уже 25. Помню, как мне никогда не хватало времени, хотя на самом деле его было масса. И на что мы тратили дни? Непонятно. Это четырехлетнее существо, в шапочке с помпончиком, грустно, как на Голгофу, шкандыбало вниз по улице вдоль забора, медленно и обреченно, в детский сад. А я его даже не провожал - только смотрел в окно. Потом он так же грустно перся вечером обратно. Приходил - и страшная радость от того, что все это кончилось. А я ничего не видел... Ужасная тоска!

Ведь говорят, что мы большую часть своей любви отдаем все-таки внукам. Когда уже приходит опыт и понимание, какое счастье узнавать свои черты и поступки, поворот головы в другом человеке. Считай, я практически сам себе родил внучку... И этим совершенно счастлив.

П.: Думаю, я тоже своим де-

Очень мужской диалог о детях

Якубович уже родил себе внучку, а Политковский только готовится стать дедушкой

Я.: А знаешь, какая еще есть радость? Варя перевернулась на живот! Сама! Слушай, да она скоро так сидит. Засмеялась! Тоже счастье! Я знаю только нескольких людей, которые вот так относятся к жизни. Для них счастье - в совершенно простых вещах. Это понятия, усвоенные в детстве. Давай вспомним наш двор. Какие там уроки! Счастье - вырваться во двор и обнаружить своих. А когда выходишь, никого еще нет, таскаешься по этому двору в мучении, когда же кто-нибудь выйдет. Я не могу быть один. Даже в самолете один находиться не в состоянии. Если мне надо ехать на тренировку, то обязательно кого-нибудь уговариваю: чтоб кто-нибудь был рядом. Все отсюда - из моего двора.

П.: Как ты думаешь, какой двор будет у Варя? Я.: Мне бы, конечно, хотелось, чтобы у нее был двор, но, боюсь, этого не случится. В наших старых коммунальках, миллион раз везде и вуюду обруганных, было что-то невероятно хорошее, теплое, при всех соседях, очередьх по утрам в туалет и ванную. Но можно было в любую секунду сказать: дай соли, хлеба. Теперь не знаю, к кому идти и кто живет напротив. Мы замкнулись в своих маленьких камерках, живем от выхода до входа и при приближении чужого скорей запираем дверь на все замки и в железных дверях - в жутком страхе, что сейчас кто-нибудь к нам вломится. Это, в от-

должно передаваться от одного к другому. Как эстафетная палочка. Казалось бы, зачем палочку передавать? Подбежал, по руке ударил и беги дальше. Но мы ведь не палочку передаем - мы пришли, чтоб продолжить общее дело, свой род. Есть удивительная вещь, описанная в медицине. Вы можете спросить любых врачей, и вам подтвердят, что именно в это время - в минуту продолжения рода, весь организм, какой бы он ни был, концентрируется и работает как часы. Нет такого другого времени и такой секунды в жизни человека - проболели много раз, эксперименты ставили, но ничего не получается! Поразительная история, которую придумала природа.

П.: Ну, знаешь, концентрируется, конечно, а потом рождаются большие дети. И чем дальше, тем чаще.

Я.: Стоп, извини, это не природа виновата. Она-то концентрируется правильно, но ей еще нужны дополнительные усилия, чтобы попытаться отделить этот миг от всего того, что мы тут натворили: от грязного воздуха, от того, чего мы жрали до этого.

Я присутствовал на Кавказе при потрясающих сценах. День рождения. Большой хороший кавказский человек сидит во главе стола. Собрался люди, чтобы поздравить его. Начинаются тосты. Он говорит: извини, одну минуточку. И тащит спящего ребенка, потому что хорошо говорят о его папе. Па-

ший твой папа, то в конце жизни есть шанс понять, что все были одни слова... Я.: Что бы ты сейчас ни говорил, а всю свою жизнь мы проводим в кланах. Как на Кавказе. Это может быть семейный клан, профессиональный, дружеский... В кланы мы очень трудно принимаем посторонних. Варя - это еще один член моего семейного клана. И я этим счастлив.

П.: Я плохо отношусь к клановости. И убежден, мои дети - это не мой клан, а еще две самостоятельных творческих личности, которые идут путем, который я им не подсказывал. Собственный, я и не хочу, чтобы они хоть в чем-то повторяли меня, чего требует принцип клановости. С большим сомнением отношусь к тому, что сын или внук великого художника, врача, физика может быть таким же великим. Поэтому считаю: каждый должен выбирать свою дорогу.

При этом я спокоен - со своей стороны я сделал все, чтобы не мешать детям сделать свой выбор. Я: Знаешь, у меня совсем другое настроение. Я думаю о том, что твой ребенок - это, прежде всего, восхождение тобой, возникающее совершенно ниоткуда. Ты можешь ничего не делать, но тебя уже обожают. Состояние влюбленности в тебя, когда можно делать все что угодно. И главное - все это создавать. А ты что-то выдумываешь, вымучиваешь...

Я обожаю людей, в которых еще сохранилось детство и легкость, - это заставляет его совершать замечательные поступки. Только у детишек есть эта особая вера: самая красивая женщина - моя мама, самый сильный человек на свете - мой папа. Но когда мы начинаем делить людей на нужных и ненужных, правильных - неправильных, мы делаемся старенькими.

П.: Думаю, настоящее детство все-таки бывает только до школы. Эта человеческая непостоянность, когда ты являешься самим собой. А потом начинаю на тебя давать общепринятые правила поведения. Мне кажется, самый большой подвиг - вернуться потом к первоначальности, освободиться от цинизма. Этот подвиг как раз и начинается, когда человек становится взрослым.

Мои дети сейчас, к сожалению, еще полностью следуют правилам. Они только на полпути к подвигу. К сожалению, как почти вся молодежь 90-х, мои

дети достаточно циничны. В этом виноват и я. Жизнь людей моего поколения, времен моего детства была более наполнена содержанием, хотя при этом существовали лживые цели и идеалы. Сейчас мы только и делаем, что несемся по черному тоннелю прагматизма и все время говорим, что хотим света в его конце. Во времена моего детства небо было голубее не потому, что мне так кажется, а потому, что условия игры сильно изменились. Уверен, сегодня дом, семья в очень малой степени может повлиять на мироощущение современных детей. И не то чтобы я наплодил несчастных людей, - нет, просто они попали в слом. Родились в одних условиях, а живут в других.

Быть может, твоя дочь не окажется в этом переходном состоянии, и правила жизни, по которым она будет существовать, не станут давить на ее сознание. То, что ты говоришь, Лёня, не совсем соответствует действительности - ты обольщаешься и идеализируешь. Так же, как недавно нормальные мужчины - Сысуев, Немцов были уверены, что они делают добро своим детям, устраивая их в престижную, бывшую школу для детей партноменк-

ландии. Он от меня всегда чего-то требовал, а я страшно сопротивлялся. Он умер во время операции, когда я вернулся из армии. И так потом получилось, что вся остальная моя жизнь - это олицетворение его мечты обо мне. Я все сделал, что он хотел... А его уже нет.

Я.: Значит, есть. Артем прозирает над моим аккуратизмом, педантичностью в делах. Если я здесь бросил бумажку, то она и должна там лежать. А у Артема носки там, рубашка здесь - я этого видеть не могу и каждый раз за ним убираю. Тем не менее он любит завязывать галстук моим узлом. Двойным американским. И вдруг, в конце концов, появились пиджак, белая рубашка, начищенные ботинки. Это ведь мои фетиши, а не его.

П.: Когда я был у тебя дома, понял - ты страдаешь холодами своими привычками. Я.: Я живу много лет один.

П.: А Варя рождалась по новомодой традиции? Ты прищипывал при родах?

Я.: Нет, не пошел. Я довольно спокойно переношу вид крови и всего остального, но есть такое, через что я не могу переступить. Есть вещи, которых мы не должны знать, точнее,

каждый должен знать свое: и женщина, и мужчина. Мне кажется, я не должен, например, присутствовать при том, как моя женщина, жена, любовница утром красится. Процесса не надо - я должен видеть только результат, как некий сюрприз. Не должен я ходить с ней и к косметологу, где будут выковыривать какие-нибудь прыщи. Пусть будет красиво!

Я могу быть не прав, и многие говорят, что ничего не запретно, можно говорить о чем угодно, и, что естественно, - не стыдно. Но тем не менее мы почему-то закрываем за собой дверь, когда идем в туалет.

Есть какие-то вещи, чисто женские. А есть такие же - мужские. В меньшей степени, но они существуют. Пусть остается что-то за гранью, иначе все уже совсем в инженерии превращается. Надо сказать, что я далеко не убежден, что человек, с которым мы когда-то сошлись и пошли по жизни, именно такой и есть на самом деле. Полагаю, мы очень много додумываем и любим образ. Домечать реально - это в сущности искусство.

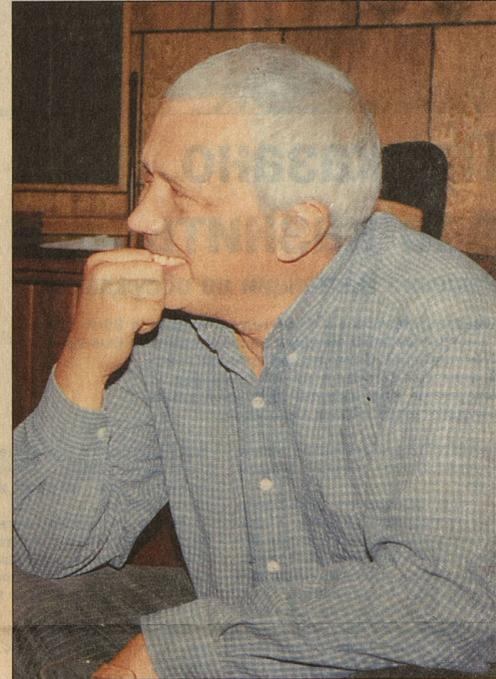
П.: Только не надо все раскладывать! Зачем? Я.: Я об этом и говорю. В ту секунду, когда человек передо мной раскрывается весь, я пойму, что придумал не то.

П.: Лёня, ты молодой человек. Варя будет 17, а ты станешь совсем дедушкой. 53 плюс 17 как раз 70?

Я.: И что?

П.: Это ужасно, но она тебя должна будет содержать, кормить. Ты уже никак не будешь ей, никакой опорой, кроме моральной.

Я.: Нет, стоп. Погоди минуточку. Это ты махнул. Надо сказать, моральная опора - это единственное, что держит нас в мире и чего я хочу от дочери. Остальное - чепуха собачья.

Вырастив детей, Политковский может и помяться... Каждый должен знать свое: и женщина, и мужчина.

Мне кажется, я не должен, например, присутствовать при том, как моя женщина, жена, любовница утром красится. Процесса не надо - я должен видеть только результат, как некий сюрприз. Не должен я ходить с ней и к косметологу, где будут выковыривать какие-нибудь прыщи. Пусть будет красиво!

Я могу быть не прав, и многие говорят, что ничего не запретно, можно говорить о чем угодно, и, что естественно, - не стыдно. Но тем не менее мы почему-то закрываем за собой дверь, когда идем в туалет.

Есть какие-то вещи, чисто женские. А есть такие же - мужские. В меньшей степени, но они существуют. Пусть остается что-то за гранью, иначе все уже совсем в инженерии превращается. Надо сказать, что я далеко не убежден, что человек, с которым мы когда-то сошлись и пошли по жизни, именно такой и есть на самом деле. Полагаю, мы очень много додумываем и любим образ. Домечать реально - это в сущности искусство.

П.: Только не надо все раскладывать! Зачем? Я.: Я об этом и говорю. В ту секунду, когда человек передо мной раскрывается весь, я пойму, что придумал не то.

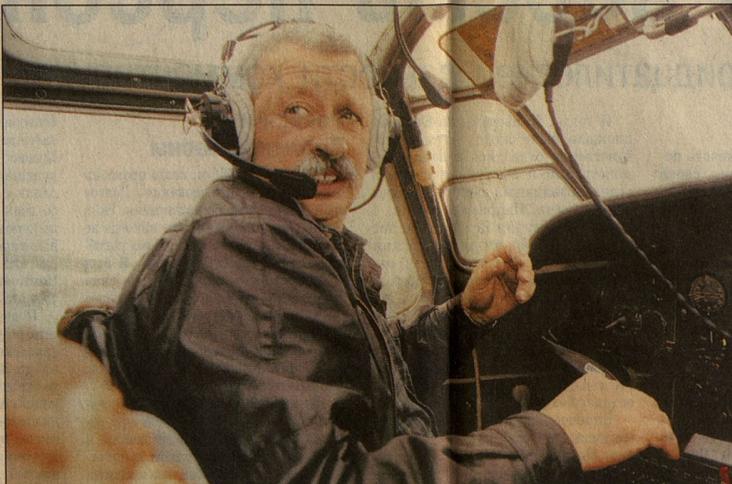
П.: Лёня, ты молодой человек. Варя будет 17, а ты станешь совсем дедушкой. 53 плюс 17 как раз 70?

Я.: И что?

П.: Это ужасно, но она тебя должна будет содержать, кормить. Ты уже никак не будешь ей, никакой опорой, кроме моральной.

Я.: Нет, стоп. Погоди минуточку. Это ты махнул. Надо сказать, моральная опора - это единственное, что держит нас в мире и чего я хочу от дочери. Остальное - чепуха собачья.

Записала Анна МАЗЕПА Фото Сергея ЗОНИЧЕВА

В свободное от дочки время Якубович летает на самолете